

«литературы в себе» нет никакой своей собственной традиции и вот почему жизнь литературного языка всецело обусловлена жизнью «говоров». И поскольку все классы общества и все области образуют одну нацию и одну страну, никакой иерархии «говоров», в их отношении к «языку», нет и быть не может: ключи живой воды бьют повсеместно. Все говоры, как «областные», так и «классовые» (argot), к которым нужно присоединить и «возрастные» («детский» язык!), и говоры различных полов (в «женском» языке в каждом классе есть свои особенности, отличающие его от «мужского») образуют один «потенциальный» национальный язык, обеспечивающий вечную жизнь «мертвому» литературному языку. И именно все вместе, во взаимодействии и в совместном влиянии на последний, тогда как догматики демократическо-романтического натурализма хотели бы, чтобы каждый местный говор, весь целиком, со всеми случайностями и уродливостями, результатом узкого, ущербного, «провинциального» или «кастового» существования, сразу «получил производство» в литературный язык. Нелепость этого требования станет ясна, как только продумаем его до конца: ведь если создавать «белорусскую нацию» или «нацию терских казаков» (была речь и об этом), то почему и не «нацию окончивших училище правоведения» или «нацию детей дошкольного возраста»? Где здесь остановиться? Где предел?

Предел, однако, есть — и было бы недобросовестно отрицать это. Есть группы, в силу исторических или географических условий оторвавшиеся от общего «народного» массива, группы, говоры которых уже не питают собою национального языка, не участвуют в его жизни. Такие группы встречаются не только у одних «незавершенных» наций, каковы немецкая (голландский язык) и русская (украинский), но и у наций сложившихся, «готовых» (провансальский язык). Положение таких групп — особое. Если подобная группа всецело, политически, как и культурно, оторвалась от общего массива — как голландцы, — то «диалект» тем самым становится языком. Если она остается в пределах общего массива, то «диалект» или обречен на то, чтобы заглухнуть и вымереть (такова, по-видимому, судьба сицилийского наречия), или же он возрождается в качестве отдельного языка, сосуществующего с общенациональным (провансальский язык в наше время). Все дело здесь в размерах группы (большая группа обладает и большей силой сцепления своих частиц, нежели малая) и в ценности, а значит, и живучести культурной традиции. Бесплодно спорить о «процессах» так, как если бы это были «вещи», в частности, например, о том, следует ли считать украинский язык «языком» или же «только диалектом». Для тех украинцев, которые сознают и ценят свою связь с русской культурой, украинский язык является или «только диалектом», или «вторым языком», каковым для провансальца является провансальский язык: ведь ни одному провансальцу не приходит в голову отречься ради Мистрала от Расина и Бальзака. Для тех украинцев, которые этой связи не чувствуют и не ценят, украинский язык есть единственный «родной язык». Это вопрос иррационального порядка, и весьма возможно, что и разрешен он будет «иррациональным способом»; причем вряд ли «большинством голосов», может быть — силой.

Морфолог культуры здесь поневоле вынужден ограничиться предупреждением, которое, впрочем, вряд ли возымеет действие. Сила уже пущена в ход. «Украинизация» проводится в порядке государственного принуждения. Украинский литературный язык уже стал совершившимся фактом. Как следует оценивать этот факт? Прежде всего надо отбросить те возражения против «украинизации», которые обычно выдвигаются: людям свойственно орудовать в вопросах подобного рода аргументами, бьющими мимо цели (неудивительно, ибо наше мышление сплошь пропитано предрассудками догматического «романтического» натурализма), и — утешать себя ими. Народ «не хочет» украинизации, тот украинский язык, который насаждают украинизаторы, — не наш, не «народный» язык, народ его «не понимает» и т. д. Добиться от «народа», чего он «хочет» и чего «не хочет», не так легко. В конце концов, сам «народ» едва ли знает это. Известно, что «народ» в иных случаях упирался против украинизации, подозревая здесь